

АГАТА

КРИСТИ

О

НА НАПИСАЛА
УБИЙСТВО

Женщина, покорившая мир

Доротея Холмс

**Агата Кристи. Она
написала убийство**

«Алгоритм»

2013

УДК 82-94
ББК 85.364.1

Холмс Д.

Агата Кристи. Она написала убийство / Д. Холмс —
«Алгоритм», 2013 — (Женщина, покоровшая мир)

ISBN 978-5-4438-0477-4

Агата Кристи до сих пор остается самой продаваемой писательницей в мире! Она готовилась стать оперной певицей и композитором, в годы Первой мировой войны трудилась сестрой милосердия, работала как фармацевт с экзотическими ядами и ездила на археологические раскопки в Египет. Она с энтузиазмом пускалась в авантюры, без боязни летала на только что изобретенном аэроплане, бесстрашно водила машину, обожала верховую езду и серфинг, совершила кругосветное путешествие. Но только одно страстное увлечение сделало ее знаменитой на весь мир. Написав две первых книги на спор, она неожиданно для всех стала писательницей, вскоре получившей титул непревзойденной королевы детектива. Книги Агаты Кристи были выпущены тиражом более 100 миллионов экземпляров и переведены на 50 языков. А сама она стала бессменным президентом Английского детективного клуба. Леди Агата всю жизнь придерживалась своего девиза: «Попробуй всё хотя бы один раз». Благодаря этому ее жизнь стала похожей на самый загадочный детектив... Откройте для себя все тайны королевы детектива!

УДК 82-94
ББК 85.364.1

ISBN 978-5-4438-0477-4

© Холмс Д., 2013

© Алгоритм, 2013

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Девочка, у которой был целый мир	10
Глава 2. Городок	13
Глава 3. Дом и домашние	16
Глава 4. Волшебный сад	21
Глава 5. Страхи	28
Глава 6. Учеба	29
Глава 7. Перемены	39
Глава 8. Появляется суженый	43
Глава 9. Военная свадьба	47
Глава 9. Арчибальд Кристи крупным планом	49
Глава 10. «Таинственное происшествие в Стайлс»	56
Глава 11. Семейная жизнь	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Доротея Холмс

Агата Кристи. Она написала убийство

© Холмс Д., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

* * *

Предисловие

Почему мы так хотим больше узнать о любимых авторах? Казалось бы – у нас есть книги, и этого достаточно. Именно так полагала наша героиня. «Я считаю, что людей должны интересовать книги, а не их авторы!» – прямо заявляла она.

Но, возможно, мы с ней не согласимся.

Может, мы хотим догадаться, что именно сделало этого мужчину или эту женщину писателем? Откуда он или она взяли то волшебство, которое мы чувствуем, когда открываем любимые страницы? В таком случае все наши усилия тщетны. Миллионы людей влюбляются, миллионы воюют, миллиарды видят сны, но лишь немногие могут написать об этом так, чтобы мы почувствовали себя на первом свидании, или в окопах под обстрелом, или в чужом сновидении. Это не генетика и не воспитание, это – волшебство, и никакого иного ответа люди не добились за те века, пока существуют книги и те, кто их пишет.

Тогда зачем? Может, мы хотели бы подружиться с человеком, чьи взгляды и пристрастия совпадают с нашими, или, по крайней мере, вызывают у нас симпатию? А если это невозможно, то представить себе, как это было бы, если бы вы встретились в реальности.

Желание понятное, но риск есть. Человек при близком знакомстве (даже если оно было заочным) может оказаться совсем не таким, каким казался, когда мы читали его книги. И все же рискнуть стоит. Ведь если симпатия возникнет, у человека (даже умершего) можно чему-то научиться. Не тому, как писать книги, а тому, как жить.

Вот что написала наша героиня о себе, на самом закате своей жизни.

«Я никогда ни во что не умела хорошо играть; из меня не получился и уже никогда не получится интересный собеседник; я настолько легко внушаема, что бросаюсь вперед прежде, чем успеваю сообразить, что же именно мне предлагают сделать. Я не умею рисовать, не способна к живописи, не могу ни лепить, ни высекать; не сдвинусь с места, пока меня не растормошат; плохо объясняю то, что хочу сказать, – мне легче писать. Я умею быть твердой в принципиальных вопросах, но не в повседневной жизни. Даже если я знаю, что завтра вторник, стоит кому-нибудь раза четыре повторить, что завтра среда, на пятый я соглашусь и начну действовать соответственно».

Кажется, не самая лучшая компания. Но послушаем ее дальше.

«Я не люблю находиться в толпе, где тебя сжимают со всех сторон, не люблю, когда громко разговаривают, шумят, не люблю долгих разговоров, вечеринок, особенно коктейлей, сигаретного дыма и вообще курения, каких бы то ни было крепких напитков – разве что в составе кулинарных рецептов, не люблю мармелада, устриц, теплой еды, пасмурного неба, птичьих лапок, вернее, прикосновения птицы. И наконец, больше всего я ненавижу вкус и запах горячего молока».

Уже немного лучше. Некоторые из нас, по крайней мере, могут ее понять и посочувствовать.

«Что я умею делать? Ну, писать. Могла бы стать приличной музыкантшей, но не профессиональной – я хорошо аккомпанирую певцам. В трудной ситуации способна импровизировать – это умение пригодилось мне больше всего. То, что я умею делать при помощи шпилек для волос и английских булавок в неожиданных домашних обстоятельствах, всех удивляет. Это я придумала слепить из хлебного мякиша липкий шарик, насадить его на шпильку, шпильку сургучом прикрепить к концу шеста для раздвигания штор и с помощью этого приспособления достать мамин зубной протез, упавший на крышу оранжереи! Я успешно усыпила с помощью хлороформа ежа, запутавшегося в теннисной сетке, и таким образом спасла его от удушья. Скажу без ложной скромности, в доме от меня кое-какая польза есть».

Агата Кристи – самый известный в мире автор детективной прозы

Список становится все более захватывающим. Пожалуй, я хочу познакомиться с женщиной, которая сумела использовать хлороформ, чтобы спасти ежа, запутавшегося в теннисной сетке, а главное, не пожалела на это времени и сил.

«Люблю: солнце, яблоки, почти любую музыку, поезда, числовые головоломки и вообще все, что связано с числами; люблю ездить к морю, плавать и купаться; тишину, спать, мечтать, есть, аромат кофе, ландыши, большинство собак и ходить в театр.

Я могла бы составить перечень и получше, более впечатляющий и многозначительный. Но опять-таки это была бы не я, а мне кажется, я должна примириться с тем, что я такая, какая есть...

Пожалуй, преданность восхищает меня больше всех других достоинств. Преданность и отвага – два самых прекрасных качества. Как физическая, так и нравственная смелость вызывает у меня восторг. Это одна из главных жизненных добродетелей. Если вы решились нести бремя жизни, вы должны нести его отважно. Это ваш долг»...

Ну что ж, на эту женщину можно положиться, и даже кое-чему поучиться у нее. Но забегаю вперед, скажу, что ей были присущи не только преданность и отвага, но и удивительное умение быть счастливой. А может, без преданности и отваги быть счастливой невозможно?

В любом случае, давайте знакомиться дальше.

Англия конца XIX века

Глава 1. Девочка, у которой был целый мир

Эту историю хочется начать как сказку. «Жила-была в городке у моря маленькая девочка с косами цвета льна. И было у нее все, что нужно для счастья маленьким девочкам: любящие ее и друг друга мама и папа, заботливая няня, уютный дом, сад, где она могла играть часами, канарейка и щенок. Кроме того, у нее было тройное имя. Ее звали Мэри (в честь бабушки по отцу), Кларисса (в честь матери) и Агата (просто потому, что это звучало красиво). А главное – у нее был целый волшебный мир, населенный ее фантазиями». И самое замечательное в том, что каждое слово в этой сказке – чистая правда.

Агата Мэри Кларисса Миллер родилась 15 сентября 1890 года в семье Фредерика и Клариссы Миллеров. Позже Агата признавалась, что видела за свою жизнь всего четыре счастливых брака. Два из них были браками ее друзей, третий она не называет (но я думаю, имеет в виду себя и своего второго мужа), а первым был, бесспорно, брак ее родителей.

Когда-то давным-давно маленькая Кларисса Бомер (такова была девичья фамилия матери Агаты) воспитывалась в доме своей тетки на севере Англии. Тетка была добра к ней, но Клара не могла забыть о родном доме, о разлуке с тремя братьями. Ее мать, бедная вдова английского офицера, отдала ее на воспитание, спасая от нищеты, но Кларе казалось, что ее за что-то наказали, сочли недостойной жить в родной семье. Единственным человеком, с которым она осмелилась подружиться, оказался «кузен Фред» – пасынок ее тетки Фредерик Миллер. Двадцатилетний Фредерик, вероятно, казался своей десятилетней кузине необыкновенно важным и умным человеком, хотя на самом деле был всего лишь шалопаем со средствами, но без определенного рода занятий. Впрочем, все знакомые отмечали его удивительное добродушие и искренность, делавшие его всеобщим любимчиком.

Винтажная открытка. У маленькой Агаты было все, что нужно для счастья: любящие ее и друг друга мама и папа, заботливая няня, уютный дом, сад, канарейка и щенок

Фредерик крутил романы и сорил деньгами по обе стороны океана, кочуя из Нью-Йорка в Британию и обратно, и между делом отвечал на робкие письма Клары и читал ее

стихи. Чем-то, очевидно, она сумела задеть его сердце, так как, вернувшись однажды домой, он просто, без всякой подготовки сделал ей предложение.

Клара отказала. Она считала себя слишком обычной и незначительной, боялась, что с ней он скоро заскучает. Но Фред был настойчив, и она не смогла долго противиться браку, в котором, как подсказывало ей сердце, таилась для нее возможность счастья, возможность снова обрести семейное тепло и почувствовать себя любимой. Она набрала в грудь воздуха и согласилась. И, вероятно, ни разу не пожалела об этом. Фредерик подарил ей свое сердце и троих детей, младшей из которых и была маленькая Агата.

Типичная английская гостиная XIX века. Фотограф Бенджамин Брекнелл Тернер

Глава 2. Городок

Супруги Миллер обосновались в графстве Девоншир, в маленьком курортном городе Торки на южном побережье, который в XX веке станут называть Английской Ривьерой.

Вплоть до начала XIX века здесь, на берегу бухты Торбей, стояла только маленькая рыбацкая деревушка, над которой высились древние башни аббатства Тор, построенного в XII веке. Позже на берегу разместилась база военного флота Англии и госпитали для выздоравливающих моряков.

В городке начали обустриваться торговцы, почувствовавшие выгоду. Побывавшие в Торки офицеры нахваливали целительный морской климат, и сюда стали приезжать и штатские с семьями для поправки здоровья.

В городе открывались магазины, гостиницы, клубы, бальные залы и общественные купальни. За первую половину XIX века население Торки выросло почти в 13 раз, а когда в 1848 году сюда протянули железнодорожную ветку, Торки стал настоящим модным курортом.

В скалах на берегу бухты местные жители давно нашли пещеры, которые в 1825–1829 годах исследовал археолог-энтузиаст, католический священник отец Джон Мак-Энери, а в 1865–1880 году его коллега Вильям Пенгели завершил его труды. Пещеры оказались обитаемы еще с каменного века, и археологи нашли здесь кости людей и ископаемых животных. В свое время эти пещеры посетила и наша героиня, и они произвели на нее большое впечатление.

Аббатство Тор, возле которого находилась рыбацкая деревушка Торки, ставшая к началу XX века модным курортом

В те времена, когда родилась Агата, Торки представлял собой весьма фешенебельное и совсем не английское место, с множеством роскошных вилл, вытянувшихся вдоль побережья, как на Французской Ривьере, с которой его сравнивали.

На рубеже веков в Торки отдыхал летом Артур Конан Дойл. Здесь он писал свой знаменитый роман «Собака Баскервиль». Но десятилетняя Агата Миллер не подозревала о таком замечательном соседстве.

Торки – родной город Агаты Кристи

Глава 3. Дом и домашние

Дом Миллеров, Эшфилд, находился в стороне от центра города. Он достался семье благодаря счастливому случаю, а точнее – интуиции Клары, в которую все члены семейства верили безоговорочно. Поначалу Фредерик вовсе не собирался жить в Англии, а намеревался гостить то на одном, то на другом континенте. Маргарет, старшая дочь Миллеров, родилась в Торки в 1879 году, сын Луис Монтан (прозванный Монти) – в 1880-м в Америке. Когда Миллеры в очередной раз прибыли в Торки, Фред поручил Клариссе снять дом для временного проживания. Она, отправившись на поиски, осмотрела около сорока домов, и лишь попав в Эшфилд, почувствовала, что не хочет уходить отсюда. Дом не сдавался в аренду, а только продавался, и тогда Клара забрала из банка хранившееся там свое наследство от дяди и купила усадьбу, которую уже полюбила всей душой. Она так торопилась, что даже не успела посоветоваться с мужем и изрядно огорошила его, преподнеся этот сюрприз. Но Фредерик охотно признавал, что Клара умнее его, согласился с ее выбором и впоследствии привязался к Эшфилду и к Торки.

Фредерик вел образ жизни обеспеченного рантье: утро проводил в клубе, читая газеты, вечера – там же, играя в вист, а летом – в крикет. Его все любили за ровный характер и дружелюбие. Клара присматривала за домом и детьми, занималась благотворительностью.

Маленькую Агату крестили в церкви Всех Святых на Бампфилд-роуд. Когда в самом конце XIX века ее начали строить по проекту Джона Пирсона, Фредерик внес в фонд строительства большую сумму от имени всех членов семьи, в том числе и новорожденной Агаты, и она с детства привыкла считать ее «своей церковью». В детстве Агате очень нравились службы, она следила за их ходом по большому отцовскому молитвеннику.

Церковь Всех Святых на Бампфилд-роуд, в которой крестили маленькую Агату

К девочке пригласили няню, похожую не на Мэри Поппинс, а скорее на состарившуюся Пегготи из романа Чарлза Диккенса «Дэвид Коперфильд» – степенную, в высоком белом чепце, какие можно увидеть на картинах старых фламандских мастеров, мудрую и очень добрую. Вопреки общеизвестному правилу, что детям вредно «кусочничать», особенно, если они уже почистили зубы, няня всегда разрешала своей воспитаннице съесть кусочек бифштекса, которым ужинала в детской, когда Агата уже лежала в постели. Вкус сочного бифштекса и розово-лиловые ирисы на обоях в детской – все это и многое другое сложилось для девочки в образ счастливого беззаботного детства.

Агата была последней из великого множества детей, выращенных ее няней, и часто на прогулке она просила старушку рассказать что-нибудь о них. Истории все время повторялись в неизменном виде, и эта неизменность сама по себе служила для Агаты источником неиссякаемого удовольствия.

Но настоящей Мэри Поппинс для девочки оказалась мама – одаренная богатым воображением, она щедро делилась им с дочерью, рассказывая сказки собственного сочинения о мышке Большеразке или о Любопытной Свечке. В последней сказке, по воспоминаниям Агаты, присутствовала детективная линия, связанная с отравлением (убийца подливал яд в подсвечник), но мама, отвлеченная домашними делами, так ее и не закончила, и Агата осталась в неведении, удалось ли Любопытной Свечке спастись.

Внутри церкви Всех Святых на Бампфилд-роуд

Старшая сестра и брат Агаты в то время учились – она в пансионе, он в школе для мальчиков, но они приезжали на каникулы, и Агата наслаждалась общением с ними. Нельзя сказать, что наслаждение всегда было взаимным: любим подросткам время от времени надоедают плетущиеся за ними хвостиком и заглядывающие в глаза малыши. И все же Мэдж (так

называли дома Маргарет) и Монти находили способы развлечься и одновременно порадовать младшую сестренку. Монти катал ее на лодке по морю (а замершие на берегу няня и мама «казались персонажами из греческой трагедии»). Маргарет же придумала страшную и захватывающую игру в «старшую сестру». Как будто у них с Агатой есть еще одна старшая сестра, безумная, которая живет в сумасшедшем доме, но иногда неожиданно возвращается. Она выглядит совсем как Мэдж, и узнать ее можно только по голосу – сладкому и елейному, которым она противно-препротивно произносит: «Можно войти, дорогая? Это я – твоя старшая сестра!»

Современные психологи, возможно, признали бы такую игру вредной и опасной для психики ребенка, но Агата сама не один раз просила Маргарет, чтобы в гости пришла «старшая сестра». Очевидно, как писала она позже, ребенку благополучная жизнь кажется чересчур пресной. Ему нужно бояться, нужно преодолевать свой страх и опасности, но, разумеется, лучше, если эти опасности только «понарошечные», и ребенок об этом знает.

Маргарет принимала участие в домашнем спектакле по первой пьесе, написанной Агатой. Сюжет был поистине шекспировский – о борьбе за наследство между «благородной леди Мэдж» и «кровожадной леди Агатой». Впрочем, сестра потребовала поменять роли, сказав, что «быть плохой гораздо интереснее».

Еще в одну страшноватую игру Агата играла со своей Тетушкой-Бабушкой, той самой, которая воспитывала когда-то ее маму и была мачехой ее отцу. Агату часто возили к ней в гости, там она встречалась с «Бабушкой Бомон», мамой ее мамы.

Агата Миллер в детстве

Игра называлась «цыпленок мистера Уайтли». Начинаясь она с понарошечного телефонного звонка в лавку мистера Уайтли: «Добрый день, мистер Уайтли, нам нужна вкусная молодая курочка, мы хотим зажарить ее на праздник. Выберите ее сами, пожалуйста!» Затем бабушка перевоплощалась в мистера Уайтли, заворачивала цыпленка (то есть Агату) в газету, приносила его домой. Потом она в роли кухарки «фаршировала» «цыпленка» (много щекотки), «насаживала на вертел», «ставила в духовку», «подавала на блюде» и даже брала в руки нож, чтобы разрезать цыпленка, а потом удивленно восклицала: «Сара! Сара! А курица-то живая!» «Да это же я!» – радостно кричала в ответ Агата. Впрочем, когда однажды они с няней, собирая примулы, оказались на чужой территории и разгневанный владелец пообещал «сварить их живьем», малышка не на шутку испугалась. По ее словам, это был самый сильный страх, который она когда-либо испытывала в жизни.

Может быть, именно из этих милых (без всяких кавычек) домашних игр и проистекает уверенность взрослой Агаты, что строгие и чопорные англичане могут оказаться коварными и непредсказуемыми. Убедив в этом своих читателей, она позже заслужит мировую славу.

Портрет няни семьи Миллеров. Художник Натаниэль Хьюз Джон Бэрд

Глава 4. Волшебный сад

Но больше всего на свете Агата любила одинокие игры в саду, окружавшем Эшфилд. Судя по ее описаниям, это был типичный английский «сад у коттеджа», которым восхищались еще британцы XIX века. «Тенистые аллейки, дорожки, посыпанные гравием, фруктовый сад, высокая трава, которую надо было косить, две-три небольшие группки деревьев, все находилось в приятном соседстве» – так описывает образцовый сад при Чоттэн-коттедже, где жила еще одна великая английская писательница Джейн Остин, один из ее родственников.

А их современница, поэтесса Анна Мария Портер писала:

Желанье страстное вдруг овладело мной:
Назвать своим коттедж с одной стеной,
Увитой розой, вьющейся с земли,
И чтобы в садике вокруг него цвели
Жасмина гроздья, и гвоздики розовели,
А на ветвях плоды повсюду зрели.

Рядом с Эшфилдом также был фруктовый сад и огород, а еще – крокетная площадка, теннисный корт, отдельно стоящие на лужайке деревья (две пихты, олицетворяющие для Агаты ее брата и сестру, огромная секвойя, бук, кедр), и целая ясеневая роща. «Все, связанное с представлением о лесе, жило здесь, – напишет позже Агата в своей автобиографии. – Тайна, опасность, запретное удовольствие, неприступность, неведомые дали»...

Агата с отцом и любимой собакой Тони

С садом связано первое осознанное воспоминание Агаты: у нее день рождения, ей исполнилось три года, семья пьет чай в саду, на белой скатерти торт с сахарной глазурью и тремя свечами, и вдруг девочка замечает, что по скатерти бежит крошечный красный паучок, и мама говорит ей: «Это паучок счастья, Агата, паучок счастья в честь твоего дня рождения».

В саду подросшая Агата играла в железную дорогу, катая по дорожкам обруч до станций «Трубная», «Ландышевая», «Баковая» (в честь большого бака с водой) и «Террасная». Еще она придумывала истории про котят Кловера и Блэки и их троих братьев, детей несчастной миссис Бенсон, вдовы моряка капитана Бенсона. С котятми случались самые разные приключения, их сажали в тюрьму, они сбежали оттуда, за ними охотились разбойники, а миссис Бенсон все беднела и беднела, пока, наконец, когда они были уже на грани разорения, из-за моря не возвращался с капиталом чудесным образом спасшийся капитан Бенсон. Еще была миссис Грин, у которой было сто детей, но самыми главными из них были трое: Пудель, Белка и Дерево.

Был еще Дики (кенарь, подаренный Агате), его мать Дикмистрис (Хозяйка Дика – т. е., скорее всего, сама Агата) и их друг – лорд Тони (щенок йоркширского терьера, также принадлежавший Агате). Дикмистрис была королевой, Дики – принцем, одетым в золото и бархат, они вместе с лордом Тони скакали целыми днями по саду на огромных белых конях и с ними тоже происходили разные увлекательные истории.

Кстати, когда Агате подарили Тони она, не в силах совладать с нахлынувшими чувствами, спряталась в туалете и, сидя там, повторяла: «У меня есть собака... собака... у меня есть настоящая собака», пока не поверила в это чудо.

Подобно другим детям с живым воображением, Агата легко научилась «оживлять» пространство вокруг себя. Она мысленно делила свою детскую на несколько комнат: эркер с окном – «комната Мюриэл», «столовая» – в центре, где лежал брюссельский ковер, разные уголки – все это было огромным домом, и Агата часами могла переходить «из комнаты в комнату», бормоча себе под нос придуманные ею истории. Она никогда не знала скуки, никогда не думала, «чем бы себя занять», у нее был целый мир фантазий и она легко погрузилась в него, едва ее домашние забывали о ней.

Винтажная открытка. Играя в саду, Агата придумывала разные истории про котят

Когда она стала постарше, появилась «Школа» – своего рода частный пансион, где, собственно говоря, ничему не учили (во всяком случае, этот вопрос Агату совершенно не волновал), но где жили девочки: сильная и смелая Этель Смит; робкая блондинка Анни Грей; испорченная спесивая богачка Изабелла Салливан; хохотушка Элси Грин – бедная, но добрая кузина Изабеллы; трудолюбивая Элла Уайт; таинственная и аристократичная Вера де Верт и ее сестра Сью, тоже таинственная, но на другой манер. «Сью де Верт, на редкость бесцветную, не только внешне, со светлыми волосами и бледно-голубыми глазами, но и внутренне, я просто ее не чувствовала, – пишет Агата в своей автобиографии. – Элла и Сью очень дру-

жили между собой, но Элли я знала как свои пять пальцев, а Сью ускользала от меня. Думаю, причина заключалась в том, что Сью на самом деле была я сама. Беседуя с остальными, я говорила с ними как Сью, а не как Агата, так что Сью и Агата вдвоем олицетворяли одного человека, Сью скорее наблюдала со стороны, чем участвовала во всем как один из моих персонажей». Современные детские психологи сказали бы, что Сью была «социальной маской» – той девочкой, которую хотели видеть и видели окружающие Агату люди, а остальные девочки представляли собой те «субличности», которые Агата находила или хотела найти в себе. Дело в том, что в семье закрепилось мнение, что Агата несообразительная девочка, которая звезд с неба не хватает, но и не преподносит сюрпризов. Именно такой она выглядела на фоне живой и очаровательной Мэдж и общительного предприимчивого Монти. Как ни странно, именно привычке тихо осмысливать все происходящее, не действуя импульсивно и не проявляя своих чувств, Агата, по-видимому, была обязана сложившемуся в семье мнению о ее заурядных умственных способностях. Только мудрая мама догадывалась, что с младшей дочерью не все так просто. Придуманные девочки помогали Агате осмыслить волнующую ее ситуацию со всех сторон, проиграть ее в своем воображении множество раз. А может быть, дело было в том, что у Агаты не было постоянных друзей-сверстников. Она играла с детьми друзей ее родителей, но они не жили постоянно в Торки, а лишь приезжали на выходные или на лето и большую часть времени она была предоставлена самой себе. Воображаемые девочки путешествовали с ней по воображаемой железной дороге или скрашивали одинокие игры в крикет (играть нужно было так, чтобы ни за что не дать выиграть противной Изабелле Салливан, но это не всегда удавалось). «Девочки» не покинули Агату, и когда она подросла, она придумывала им платья, любовные истории, планировала их свадьбы, мысленно обставляла их дома – словом, это была долгая игра, доставлявшая Агате неизменное удовольствие.

Мать Агаты – Клара Миллер

Но, разумеется, у нее были и обычные, не воображаемые игрушки: лошадь-качалка по имени Матильда, лошадь-каталка Верный, которого можно было затаскивать на холм и скатываться с него так, что ветер свистел в ушах. Были у нее и куклы, и кукольный домик с кукольной мебелью. Когда Агате понадобилось больше места для ее кукольной семьи, мама выделила ей нижние ящики посудного шкафа, домик поставили на полку этого шкафа и получилось просторное шестиэтажное жилье, которое можно было оклеивать обоями, обставлять мебелью, играть в «переезд» и т. д. Позже, когда Агата, став состоятельной жен-

щиной, с огромной любовью покупала и обставляла собственные дома и коттеджи, она всегда вспоминала эту детскую игру.

Агата Мэри Кларисса Миллер в возрасте четырех лет. Художник Дуглас Кон. 1894 г.

Мне кажется, что одна из самых больших удач в жизни человека ~
счастливое детство

Глава 5. Страхи

Всю жизнь Агата хранила в своей памяти счастливые воспоминания о детстве и возвращалась к ним всякий раз, когда ей бывало тяжело. Но были в ее детстве и страхи иррациональные и, вероятно, порожденные той же богатой фантазией, что раскрашивала ее детский мир яркими красками. Больше всего она боялась Человека с Пистолетом или Стрельца. Странный незнакомец с бледно-голубыми глазами, одетый по моде Французской революции, в напудренном парике с треуголкой, с мушкетом, то ли зажатом в руке, то ли выставшим из нее, приходил к Агате в снах, иногда появляясь посреди обычных сцен мирной жизни: прогулок, пикников, чаепитий, иногда прикидывался кем-то из членов семьи. Он никогда не стрелял из пистолета и не грозил им, но пугал самым присутствием, самым фактом своего существования.

Другие страхи Агаты были связаны с ее хорошим воспитанием. Например, однажды ее подруга, у которой выпали передние зубы, начала рассказывать Агате историю, но при этом так шепелявила, что понять ее было невозможно. Агата покорно дослушала ее до конца, но ужасно боялась, что та спросит ее о чем-то и ей придется признаваться, что она ничего не поняла. Чтобы избежать неловкой ситуации, едва девочка замолчала, как Агата тут же начала сама рассказывать ей сказку о фее, живущей в персиковой косточке, сочиняя эту историю на ходу. Она была рада-радехонька, что выпуталась из неудобного положения, и сама не заметила, как сделала первый шаг на пути писателя.

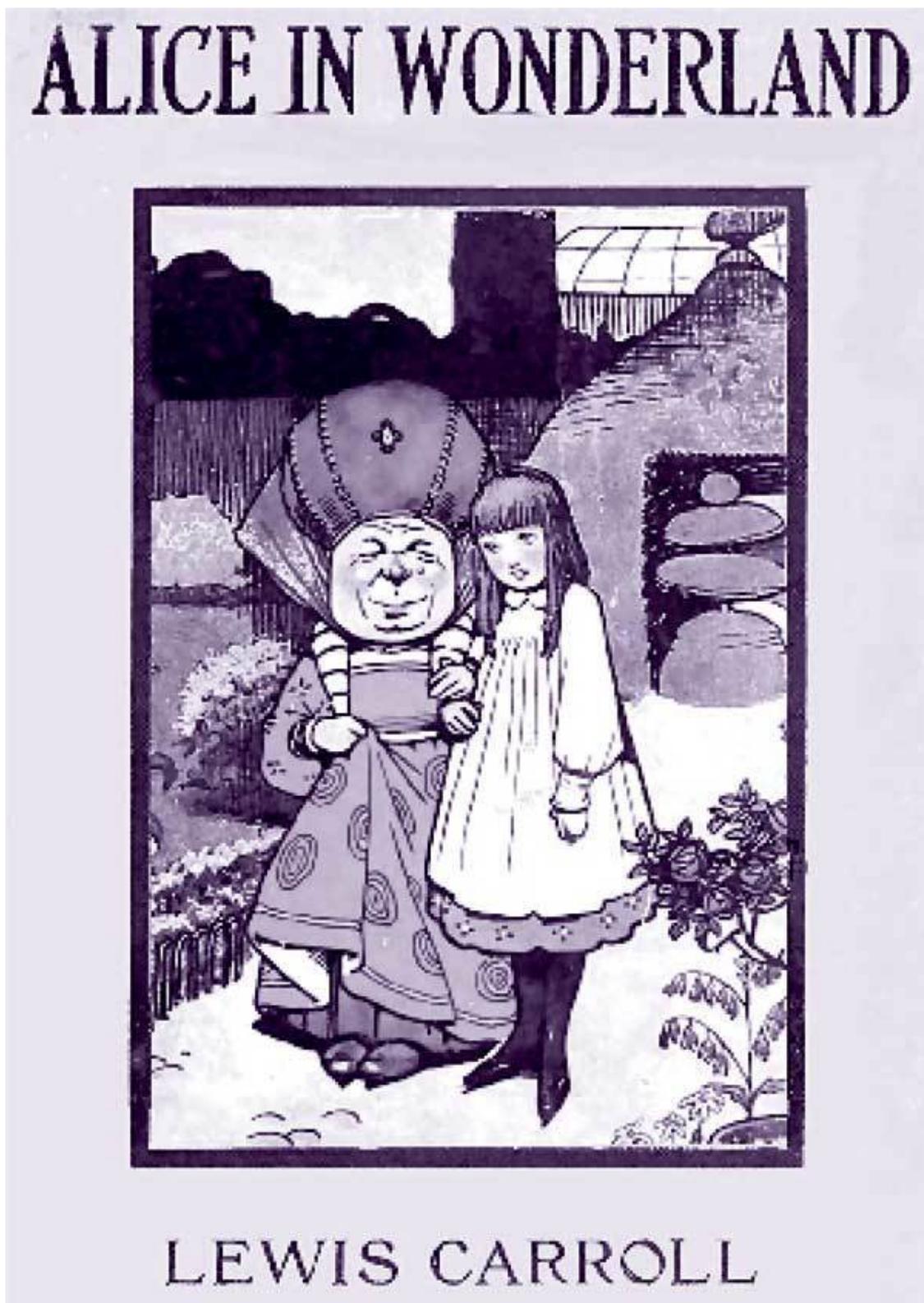

Торки в 1900 году

Глава 6. Учеба

Читать Агата научилась сама, в возрасте около четырех лет. Произошло это как раз после того, как ее мама решила, что девочку не нужно учить читать, пока ей не исполнится восемь лет: это лишняя нагрузка. Обучалась она незаметно, разглядывая страницы любимых книг, спрашивая няню, что написано на вывесках. Писать Агату научила мама, видимо решив, что поздно бояться чрезмерных нагрузок. Уроки были простыми и веселыми. Мама писала на бумажке какую-нибудь смешную фразу, например: «Косоглазые кошки не умеют нормально кашлять», а Агата переписывала ее внизу.

Так же играючи она позже научилась читать по-французски: когда все семья ездила во Францию и для присмотра за Агатой взяли молоденькую француженку Мари Сижу. Вместе они весело проводили время, играли и гуляли, и вскоре Агата уже бойко говорила и свободно читала по-французски. Правда, когда дело дошло до чистописания, выяснилось, что маленькая англичанка совершенно неграмотна: она никогда не обращала внимания на разницу в произношении и написании и писала, как бог на душу положит.

В детстве одной из любимых книг Агаты была «Алиса в стране чудес»

Среди своих любимых детских книг Агата называет «Алису в стране чудес» и «Алису в Зазеркалье», произведения Мэри Луизы Моулсворт (на русском языке выходила ее самая знаменитая книга «Часы с кукушкой», о волшебной кукушке Гризельде, жившей в часах и дружившей с девочкой, героиней книги), исторические сочинения Шарлотты Янг о Древнем Риме, Древней Греции, Англии, Франции и Америке (на русском языке выходили книги

«Ришар, маленький герцог» и «История Германии»). «Жанр романа» как романтической любовной истории для нее открыл Энтони Хоуп – своей очень популярной, полной приключений и страстей историей о «Пленнике замка Зенды», похищенном злодеями короле вымышленной страны Руритании, и его двойнике – юном английском офицере Рудольфе, который подменяет короля во время его отсутствия, влюбляется в его невесту Флавию и добивается взаимности, но потом благородно помогает освободить законного короля и возвращает ему трон и девушку. По словам Агаты, она часто воображала себя Флавией, которая убеждает короля, что полюбила именно его, страдающего в заточении, а не блестящего авантюриста Рудольфа. Позже она вместе с матерью читала Вальтера Скотта и Диккенса. Любила она исторические романы Мориса Хьюлета (на русский язык переведен роман о Ричарде Львиное Сердце – «Ричард Да и Нет»).

Из французских книг она прочла «Воспоминания ослика» Софьи де Сегюр (урожденной графини Ростопчиной) и «Без семьи» Гектора Мало – повесть о приключениях мальчика-сироты, путешествовавшего вместе со странствующим шарманщиком и его дрессированными животными: тремя собаками и обезьянкой, романы Александра Дюма и Жюль Верна. Агата выучила их от корки до корки, и больше всего полюбила «Путешествие к центру Земли» и «Графа Монте-Кристо».

Папа решил заниматься с дочерью математикой и открыл, что у нее вполне математический склад ума. Девочка легко шелкала задачки на четыре действия, быстро освоила дроби, что дало ей законный повод гордиться собой и поверить, что она не такая уж несообразительная.

Купание в конце XIX века представляло собой сложный процесс

С той же легкостью, не замечая самого процесса обучения, она научилась и плавать. Держаться на воде оказалось нетрудно, но само по себе купание представляло собой сложный процесс. Купальщица входила в специальную кабинку и старалась переодеться

как можно быстрее, что было сложно, поскольку купальный костюм представлял собой довольно внушительное сооружение с большим количеством оборок и воланов и с обязательными чулками, чтобы никто ненароком не мог увидеть голых девичьих ног. Внезапно кабинка приходила в движение (это сторож нажимал на рычаг) и соскальзывала по специальному желобу прямо в воду. Теперь из нее можно было не торопясь и с достоинством выплыть и, совершив пару кругов по бухте, вернуться в нее, после чего кабинка возносилась обратно на пирс. Из кабинки девушка выходила уже полностью одетой и присаживалась на песок под зонтиком отдохнуть после утомительных усилий.

* * *

Танцы Агата изучала в танцевальных залах «Антенум», находившихся на втором этаже кондитерской в Торки. Они танцевали польки, марши и классические английские контрдансы: лансье (род кадрили), и еще контрданс под названием «Сэр Роджер из Ковентри». Но когда Агата подросла и стала ходить на танцевальные вечера, эти танцы вышли из моды, и из всей танцевальной науки ей пригодилось разве что умение вальсировать, чего она, впрочем, не любила, так как у нее начинала быстро кружиться голова.

Гораздо важнее оказались для нее уроки музыки, которые ей давала учительница-немка фрейлин Удер. И мать и отец Агаты были музыкальны, и ей нравилось радовать их своими успехами. Ее учительница уделяла большое внимание отработке техники с помощью этюдов, и эта метода как нельзя лучше подходила старательной Агате. Она научилась играть на пианино и на мандолине, брала уроки пения и участвовала в самодеятельных операх, которые ставила молодежь в Торки. Главной проблемой было то, что Агате досталась мужская роль, а ее мама была категорически против появления дочери на сцене в брюках. В итоге двусмысленный предмет туалета замаскировали длиной мантией, которая ужасно путалась под ногами и мешала певице.

Агата Кристи в танцевальном классе в Торки (в центре)

Позже Агата даже думала стать концертирующей пианисткой, но отказалась от этой мысли, так как робела перед публикой. Впрочем, никто и не ждал от нее, что она выберет себе какую-то профессию, никто не готовил ее к самостоятельной жизни. Ей предстояло встретить «достойного молодого человека из хорошей семьи», влюбиться и водвориться в его дом, став хозяйкой, женой и матерью. А для этой стези здоровье и спокойный нрав были гораздо важнее знаний.

«В дни моего детства мама целиком отдалась идее, что единственный путь для воспитания и образования девочек – предоставить им возможность как можно дольше пастись на воле; обеспечить им хорошее питание, свежий воздух, ни в коем случае не забивать им голову и не принуждать ни к чему. (Конечно, к мальчикам ни один из этих постулатов не относился: мальчики обязательно должны были получить настоящее образование)» – так описывает свое воспитание, и воспитание своего поколения Агата в автобиографии.

* * *

Это казалось разумным, логичным и единственно правильным. Правда, казалось не всем. В те же годы, когда Агата изучала музыку и веселилась на светских приемах, в Лондоне суфражистки вели настоящую войну за права всех женщин. Это женщины были старше Агаты и лучше представляли себе реальную жизнь: какова может быть судьба женщины, если мужчина на законных основаниях отбирает у нее имущество и даже заработок, если он в единоличном порядке распоряжается судьбой детей, если женщина без дохода-ренты с наследства обречена на неквалифицированную и, следовательно, малооплачиваемую работу, так как у нее нет возможности получить высшее образование. Суфражистки видели, что английское законодательство несправедливо по отношению к женщинам, а для того, чтобы

изменить его, женщины должны избирать своих представительниц в парламент. И для этого им нужно право голоса.

Британская суфражистка с плакатом раздает листовки на улице

21 июня 1908 года предводительница суфражисток Эммелин Панкхерст организовала многотысячный митинг за права женщин в Гайд-парке (на него собралось более 200 000 женщин). Однако правительство не реагировало. «Я слишком люблю женщин, – заявил один из политиков, – чтобы их выводить на политическую арену и поручать им задания, смысла которых они не понимают». Газеты изошрялись в остроумии, публикуя карикатуры, изображающие женщин, которые штурмуют Палату общин с зонтиками наперевес, уходят на выборы, оставляя дом и детей на мужа, на дебатах в парламенте неожиданно вспоминают, что оставили дома в духовке пирог и, подобрав юбки, мчатся его спасать. Женщин в брюках

(которые они отвоевали в борьбе с мужьями), женщин, курящих и пьющих пиво в барах, и даже обсуждающих с родителями жениха, на какие деньги они намерены содержать будущих мужей, женщин самостоятельных, а значит – неженственных. И главное – женщин некрасивых, старых, уродливых и бесконечно завидующих красавицам, которые могут повелевать мужчинами «одним взмахом ресниц». «Суфражистки, которых никто никогда не целовал» – так гласили подписи под этими карикатурами. Неважно, что это было неправдой, и Эммелин Панкхерст и многие ее соратницы были замужем, а муж и дочери Эммелин вместе с ней принимали участие в борьбе. Мужчины просто не могли вообразить себе иных причин для желания женщин быть равноправными.

Вероятно, узнай Агата об этом движении, она бы согласилась с противниками суфражисток. Во всяком случае, уже в зрелом возрасте она писала: «С ходом времени положение женщин определенно изменилось к худшему. Мы, женщины, повели себя как дурочки: начали вопить, чтобы нам разрешили работать наравне с мужчинами. Мужчины, ничтоже сумняшеся, с удовольствием ухватились за эту идею. Зачем защищать жену? Что плохого, если она сама будет защищать себя? Она хочет этого. Черт возьми, на здоровье!

Предводительница суфражисток Эммелин Панкхерст

На самом деле я думала только об одном – о счастливом замужестве. Как и большинство моих подруг, я ощущала полную уверенность в себе. Мы жили в сознании ожидающего нас безоблачного счастья; мы ждали любви, восхищения, поклонения, ждали, как о нас будут заботиться, холить и лелеять, намереваясь в то же время идти собственным путем во всем, что было для нас важным, одновременно заботясь о муже, его жизни, успехе, карьере, считая эту заботу своим священным долгом. Мы не нуждались в тонизирующих или успоко-

ительных таблетках, потому что верили в радость жизни. Могли испытывать личные разочарования, порой чувствовали себя несчастными, но в целом жизнь была удовольствием... Мои современницы часто оказывались в трудном положении, у них не было и десятой доли того, чего они хотели. Почему же нам было так весело жить? Может быть, в нас бродили жизненные соки, которые теперь иссякли? Отчего? От гнета ли образования, или, того хуже, от страха остаться недоучкой? Или высушила их тревога о будущей жизни?»

При этом она, как водится, забывала о том, что даже в те благословенные времена не все девушки относились к ее классу, и далеко не у всех был свой дом и хоть небольшой, но постоянный доход, который они получали, не шевеля и пальцем, и поэтому у них было достаточно времени для развлечений.

Но пока эти события были бесконечно далеки от маленького мирка Агаты, наполненного мечтами. Она и в страшном сне не могла увидеть, что ей когда-то придется отвечать за себя, и больше того – что ей это понравится. Но мало кто мог тогда представить себе, как переменится жизнь в следующие десятилетия.

Эммелин Панкхерст выступает на митинге

Глава 7. Перемены

Начало нового века оказалось трудным для семьи Миллер. Монти, которому так и не удалось найти места в жизни и профессии, в которой он бы преуспел, стал военным. Маргарет вышла замуж. Фредерик Миллер умер от сердечной недостаточности, и, едва оправившись от тяжелого горя, Клара обнаружила, что у них почти совсем нет денег.

Несмотря на то, что Агата, как и все ее близкие и друзья, свято верила, что дом держится на мужчине, что он – глава семейства и под его защитой женщинам ни о чем не нужно тревожиться, ее собственный отец оказался прекрасным человеком добрейшей души, но только не защитником и не добытчиком. Не имея никакой профессии и живя на доходы с двух наследств, он сам ничем не управлял, полагаясь на советы поверенных, и те быстро привели его состояние к краху, вероятно, не забыв набить потуже свои карманы.

Теперь осиротевшим женщинам нужно было решать, как и на что жить. Встал вопрос о продаже Эшфилда. Это было мерой, разумной во всех отношениях, кроме одного: Агате казалось невыносимым покинуть дом, с которым было связано столько счастливых воспоминаний, буквально вырывать корни из земли. Она чувствовала, что не в силах пережить это, и ее мудрая мать поняла ее и пошла навстречу, хотя сама и не была так всецело и безоговорочно привязана к Торки. Они экономили на всем, но продолжали жить в Эшфилде.

Агата Миллер в Париже

Впрочем, «стесненные средства» не мешали Агате радоваться жизни, обедаться всякой вкуснятиной на рождественских праздниках у Маргарет и ее мужа, нянчить малыша Маргарет, вышивать подушки и ждать своего Суженого, бормоча при этом под нос всякие романтические истории, которые она никогда не записывала. То она сочиняла либретто

оперы, то историю благородного, но бедного семейства. Ее героини постоянно жертвовали собой ради любимых и умирали, оплакиваемые ими. Мама свозила ее в Париж, где она проучилась несколько месяцев в различных французских пансионах, что придало завершенность ее образованию.

Как ни странно, но поездка в Париж была средством сэкономить деньги: жизнь за границей была дешева, а Эшфилд можно было сдать. Также ради экономии они на следующий год поехали в Каир, где Агата вышла в свет: стала участвовать в балах и развлечениях для молодежи. В нее влюблялись, просили ее руки, дважды она влюблялась в ответ, давала согласие, но потом помолвка расстраивалась, и Агата понимала, что ничего не получилось потому, что она не любила по-настоящему.

Светская жизнь. Художник Харрисон Фишер

Глава 8. Появляется суженый

Поклонники Агаты, как правило, были ее близкими друзьями, дружба постепенно переходила в любовь, оставаясь при этом дружбой. Юноши прекрасно знали и уважали мать Агаты, ее брата и сестру, для них казалось невыносимым на чем-то настаивать, к чему-то принуждать любимую, даже ухаживать за ней слишком активно, «вскружить ей голову», «взять приступом». Арчибальд Кристи был совсем из другого теста.

Высокий, светловолосый артиллерийский офицер, он водил мотоцикл, собирался переводиться в военно-воздушные силы и прекрасно танцевал. На танцах они и познакомились. Арчибальд зачастил к Агате в гости. Появлялся, как правило, без предупреждения, прикапывал на своем мотоцикле, приглашал Агату в на концерты. Очень быстро в разговорах они выяснили, что буквально во всем придерживаются противоположного мнения, за исключением разве что любви к самолетам (в 1910 году Агата с восторгом прокатилась на одном из первых аэропланов). Это было так не похоже на молодого человека, с которым Агата в тот момент была помолвлена: у них были общие вкусы, общие взгляды на жизнь, общие пристрастия и антипатии. И с ним Агате было легко и не скучно, как это случалось с предыдущими поклонниками.

Но вот Арчи заявил решительно и непреклонно, что Агата должна разорвать помолвку и выйти за него замуж, и девушка не смогла найти слов, чтобы возразить ему. Все ее аргументы он отметал как несущественные, и Агату захватил этот напор. Она почувствовала, что очень хочет стать женой Арчибальда Кристи, хочет поближе узнать этого настойчивого незнакомца.

Высокий светловолосый артиллерийский офицер Арчибальд Кристи покори́л сердце юной Агаты

Страсти охладила Клара. У обоих влюбленных почти нет денег, а они им понадобятся для совместной жизни. Придется немного подождать. Арчибальд переживал отсрочку бурно: писал страстные письма, разрывал помолвку, потому что «недостойн», потом возобновлял ее. Агата тоже заразилась этим безумием. Ей, привыкшей к любви пополам с уважением, такие сильные чувства были в новинку, казались чем-то захватывающим, «настоящим», ее пленяло то, что она не могла предсказать, что на этот раз выкинет Арчи, как он поступит в следующий момент.

Безумную страсть только подогрело известие о начале Первой мировой войны.

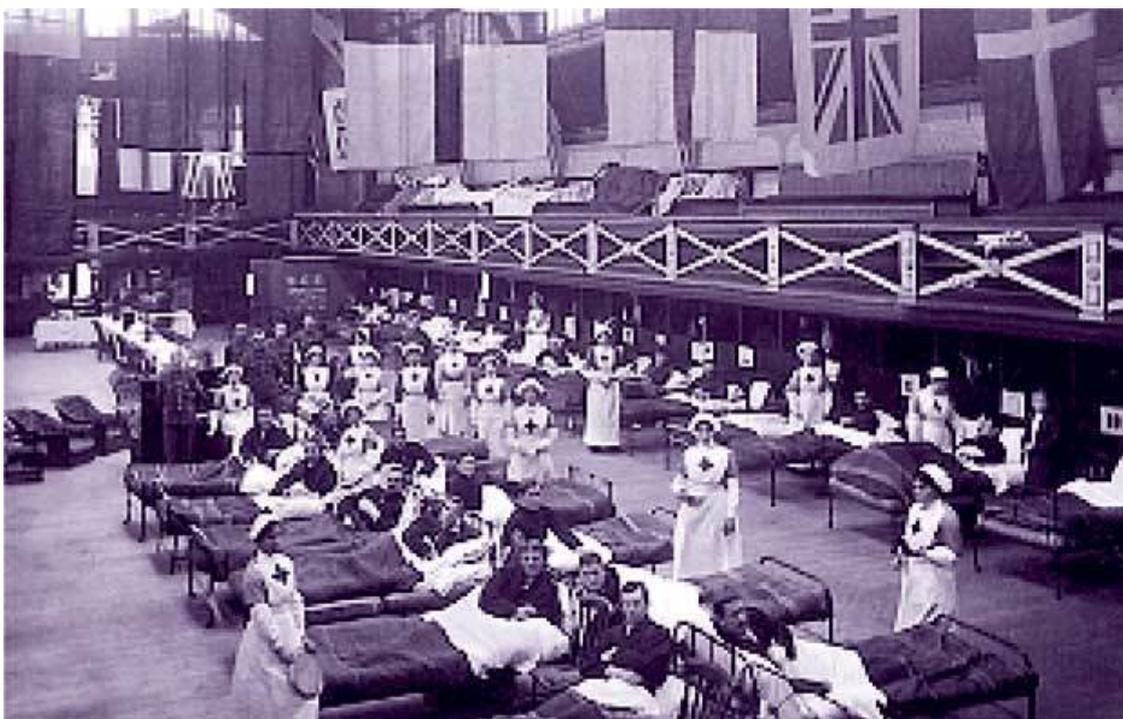
Перед первым замужеством

Глава 9. Военная свадьба

Лондон бомбили «цеппелины». Их преследовали английские самолеты, пулеметы которых стреляли разрывными пулями.

Арчи поступил в ВВС. Агата пошла на курсы медсестер. Он был совершенно уверен, что ему суждена ранняя смерть, и быстро убедил в этом Агату. Каждое их свидание казалось им последним. Арчи старался казаться беззаботным и лихим, Агата храбрилась, но по ночам плакала в подушку.

Она находила утешение в работе в госпитале: благодаря курсам она могла быть по-настоящему полезна раненым. Прекрасно понимая границы своей квалификации (очень невысокой), она не боялась самой грязной работы: мыла полы, подносила утки, меняла повязки. В госпитале Агата научилась ценить профессионализм, требовательность сестер к себе и к своим помощницам, добросовестность. Эти чувства она пронесет через всю жизнь и будет относиться к своему творческому труду с той же ответственностью, с какой она относилась к медсестринской работе. Она поняла, что раненые могут жульничать, выбивая себе особую диету или условия, научилась «на глазок» определять, врет человек или говорит правду. Не сразу, но постепенно она научилась переносить операции и даже находила их интересными, что было необычно для «барышни». Словом, тяжелая и нужная работа оказалась своеобразным противоядием от угара страсти.

Когда началась Первая мировая война, Агата пошла на курсы медсестер и стала работать в госпитале

Когда Арчи приехал на побывку в Лондон, Агата сказала ему, что они непременно должны пожениться, не строя далеко идущих планов на будущее, она научилась ценить мгновения счастья. Арчи был категорически против: его друзья-летчики убедили его, что жениться сейчас будет слишком эгоистично, ведь есть шанс, что молодая жена останется вдовой с ребенком. При этом мнение самой «будущей вдовы» его не интересовало. Они

ссорились и мирились. Примирения были сладкими, а ссоры пока не оставляли после себя болезненных шрамов.

Внезапно Арчи изменил решение: конечно же, они должны пожениться немедленно! Теперь уже Агата сомневалась и возражала, ей было нелегко поменять планы во второй раз, да и ее мама расстроится оттого, что не присутствовала на ее свадьбе. Но Арчи отмел все возражения как несущественные. Новая ссора, новое примирение. И вот они уже стоят перед алтарем.

Британские летчики во время Первой мировой войны

Глава 9. Арчибальд Кристи крупным планом

Современные психологи сказали бы, что Арчибальд Кристи – яркий и типичный пример так называемой нарциссической личности. Главным симптомом этого широко распространенного личностного расстройства является своеобразная «душевная недостаточность»: неспособность воспринимать других людей как самостоятельных суверенных личностей, принимать их чувства как нечто заслуживающее внимания и уважения. При этом нарцисс может любить – да еще как страстно! Однако он любит человека, как любят дорогую вещь, любит ее, бережет, но без колебаний бросит или обменяет, если ему это будет выгодно. И он не будет испытывать никакого чувства вины (но может долго о нем распространяться). В самом деле, ведь близкие рады служить ему, а если нет – они плохие, испорченные люди и не заслуживают его хорошего отношения.

Арчибальд Кристи – яркий и типичный пример так называемой нарциссической личности

Психологи скажут, что роман с нарциссом может быть очень увлекательным, поскольку он не знает меры и полутонов. Если любит, то возносит на небеса, если разлюбил – то не будет терпеть нелюбимого человека рядом ни минуты. Но при этом может и передумать, и полюбить снова, и снова добиваться взаимности, не допуская мысли, что ему откажут. Это про них, про нарциссов, Марина Цветаева писала:

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче – все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче – вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О, вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»
...

Вчера еще – в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, —
Жизнь выпала – копеекой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою – немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал – колесовать:
Другую целовать», – отвечают.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил – в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе – я сделала?

При этом любить по-настоящему: то есть желать любимому человеку добра нарцисс не умеет. Но умеет скрывать эту «душевную недостаточность» от себя и от окружающих за ворохом «страстей».

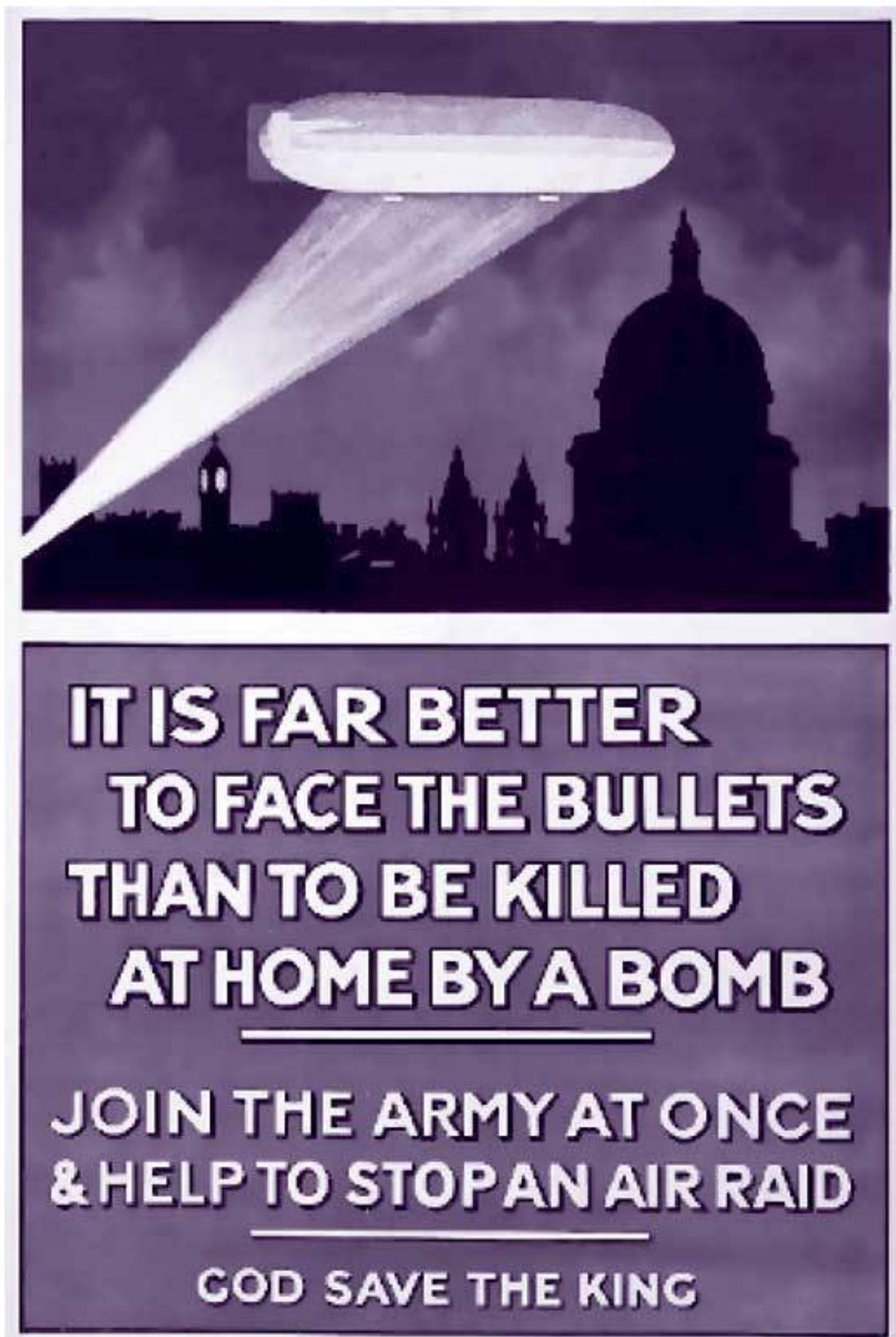

Нарцисс. Художник Франсуа Лемуэн

«Невротик, как правило, не отдает себе отчета в своей неспособности любить. Он не знает, что не умеет любить. Однако степень осознания этого может быть разной. Некоторые невротики открыто говорят: “Нет, я не умею любить”. Однако гораздо чаще невротик живет иллюзией, что он величайший из влюбленных и обладает огромной способностью к самоотдаче. Он будет уверять нас: “Мне весьма легко делать все для других, я не умею делать этого лишь для себя”. Но он поступает так не из-за материнского, как он считает, заботливого отношения к другим, а по иным причинам. Это может быть связано с его жаждой власти или страхом, что другие его не примут, если он не будет им полезен. Более того, у него может быть глубоко укоренившийся запрет на то, чтобы сознательно желать что-либо для себя и быть счастливым. Эти табу в сочетании с тем, что по вышеуказанным причинам

невротик может порой сделать что-то и для других людей, усиливают его иллюзию, что он умеет любить и действительно глубоко любит. Он держится за этот самообман, поскольку тот выполняет важную функцию оправдания его собственных претензий на любовь. Было бы невозможно требовать так много любви от других, если бы он осознавал, что, по сути, они ему безразличны. Эти рассуждения помогают понять нам иллюзию “большой любви”, – эти слова произнесет женщина-психоаналитик Карен Хорни в 1936 году. Но они пока неизвестны Агате, а если бы она их услышала, то вряд ли бы отнеслась к ним серьезно. Конечно, Арчи любит ее, и она любит Арчи. Просто он – настоящий мужчина, он привык, что его слово – закон, и что его желания исполняются. Но ведь это именно то, о чем она мечтала, – выйти замуж за настоящего мужчину, который станет главой семьи и будет заботиться о ней. И Агата счастлива.

И пока ничто не предвещает беды. От Арчи в восторге не одна Агата (она сознает, что не может быть объективной), но и его сослуживцы и друзья. Он храбр, он получает орден Святого Георгия и Святого Станислава, медаль «за безупречную службу». Их встречи по-прежнему кратки и наполнены ссорами и примирениями, но Агата гордится, что в госпитале ее называют «сестра Кристи».

Британский пропагандистский плакат 1915 года. «Гораздо лучше противостоять пулям, чем погибнуть у себя дома от бомбы. Вступайте в армию прямо сейчас и помогите отбить авианалёт. Боже, храни короля»

Тем временем Агату переводят из больничных палат в аптеку. Она довольна: новая работа не такая тяжелая и изматывающая, и главное – новые знания, новый мир. В детстве она не любила ботанику, ей гораздо больше нравилось не препарировать и засушивать растения, а наслаждаться их красотой и ароматом. Но теперь все по-другому... Она старательно изучает способы приготовления лекарств, благодаря своему математическому уму легко разбирается в пропорциях, осваивает две системы мер: и традиционную английскую и метрическую. И все же иногда ловит себя на мысли, что скучает по госпиталю. Ей кажется, что работа медсестры была ее призванием. Но теперь она – замужняя женщина, и любую работу должна рассматривать как временную, пока Арчи не вернется из армии. Потом она должна будет сосредоточиться на том, чтобы создавать ему домашний уют, в котором он так нуждается!

Перейдя работать в аптеку, Агата скучала по госпиталю. Ей казалось, что работа медсестры была ее призванием

Глава 10. «Таинственное происшествие в Стайлс»

Когда-то давным-давно, когда Агата болела и вынуждена была долгое время провести в постели, мама посоветовала ей написать рассказ, чтобы ей не было скучно. Разумеется, о любви. Агата написала целых три рассказа, благополучно выздоровев, разослала в издательства, просто на всякий случай. Но ничего не случилось – их вернули с вежливыми отказами. Правда, первый из них, «Дом его грез», будет позже опубликован в сборниках «Чайный сервиз “Арлекин”» и «Доколе длится свет», второй, изрядно переработанный, позже станет «Последним спиритическим сеансом» в сборнике «Гончая смерти», а третий – «Зов крыльев» – войдет в этот сборник практически неизменным. Но это будет еще не скоро – когда Агата Кристи обретет популярность благодаря другим произведениям. Герой первого рассказа Агаты – юноша, молодой, мечтательный и несчастный. Он принадлежит к «офисному планктону» конца XIX – начала XX века, к тем, кто работает клерками, но мечтает о большем.

Там, где речь идёт о любви, женщины мало думают о гордости, если вообще о ней думают. Гордость ~ это нечто, что не сходит у них с языков, но никогда не проявляется в делах и поступках

«Нелепо, что этому юноше с на редкость чувственным ртом и удлинёнными тёмно-синими глазами, придававшими ему облик какого-то лесного существа – эльфа или фавна, – нелепо, что именно ему довелось оказаться принесённым на алтарь божества Финансов», – читаем мы в рассказе «Дом его грез». Аромат земли, вкус морской соли на губах и открытое небо над головой – вот что было дорого Джону Сегрейву и с чем ему надлежало распро-

ститься. В восемнадцать лет он в качестве молодого клерка поступил на работу в крупный торговый дом. Семь лет спустя он все еще пребывал клерком, хотя уже не таким молодым, но во всем остальном статус его ничуть не изменился. Среди качеств, которыми наделила его природа, явно отсутствовало то, что принято называть желанием добиться места под солнцем. Он был усерден, пунктуален, трудолюбив – поистине клерк, и ничего более. А ведь он мог бы стать... только кем? Джон и сам затруднился бы ответить на этот вопрос, но он не мог избавиться от ощущения, что где-то, в какой-то иной жизни он мог бы достичь многого. Он обладал живым умом, энергичностью – качествами, которых напрочь были лишены его трудяги-сослуживцы»...

Джон влюбляется в девушку с музыкальным именем Аллегра, которая сочиняет странную музыку и видит сны-кошмары. В нем просыпаются предприимчивость и энтузиазм: он планирует экспедицию в Западную Африку, чтобы разбогатеть и жениться на Аллегре. Но она отвечает ему, что никогда не выйдет замуж. В конце концов Джон разгадывает тайну Аллегры, но это стоит ему жизни.

Погибает и герой рассказа «Зов крыльев» миллионер Сайлс Хэмер, очень необычный и романтический миллионер, который раздал свое состояние, потому разочаровался в своем прежнем материалистическом мировоззрении, а еще потому, что деньги мешали ему слышать «Зов крыльев» – музыку таинственных обитателей Марса, которые ждут его.

Интересно в этом рассказе описание музыки, точнее, переживаний человека, слушающего музыку. Этот фрагмент Агата явно писала «с натуры» и была точна. И возможно, именно благодаря ему она позже называла свой рассказ «неплохим».

«Это была странная мелодия – строго говоря, это была вовсе не мелодия, а лишь одна музыкальная фраза, чем-то напоминающая медленное чередование звуков в партии скрипок из «Риенци»¹. Повторяемая вновь и вновь, переходящая от одной тональности к другой, от созвучия к созвучию, она делалась все полнее, достигая с каждым разом все большей свободы и раскованности»...

¹ «Риенци, последний трибун» – ранняя опера Рихарда Вагнера.

AGATHA CHRISTIE

THE CALL OF WINGS

«Зов крыльев» – один из первых рассказов начинающей писательницы

Звуки текли, приятно обволакивая, плавная размеренность чередовалась с радостным будоражающим всплеском – той самой упоительной музыкальной фразой... “Это непостижимо, – пробормотал Хэмер, – непостижимо. Словно выросли крылья...”

Яснее и яснее, выше и выше – каждая волна звуков поднималась выше предыдущей и увлекала его за собой... На этот раз он не сопротивлялся, он позволил себя увлечь... Вверх-вверх... Волны несказанной благодати несли его выше, выше... Ликующие и безудержные, они целиком поглотили его.

Выше и выше... Теперь они преодолели грани человеческих возможностей, но они все равно продолжали наслаивать это блаженство – поднимаясь, все еще поднимаясь... Достигнут ли они конечной цели, полной гармонии, головокружительной высоты?»

Неясно, чего больше в ранних рассказах Агаты: дани романтической традиции или юношеского желания «чего-то большего», чего-то неопределенного, необычного и прекрасного. Ясно одно: Агата не обрела еще свой голос, не нашла своей темы. Но это неудивительно. Редко кому удастся такое с первых страниц. В конце концов она забросила рассказы

– возможно, ей не понравилось, что ее герои все время умирают в конце, но придумать другой патетической развязки она не могла.

Пробовала она в то время написать и роман. Тоже любовный и очень нравоучительный. Издателям нравилось название «Снег над пустыней», но больше им не нравилось ничего. Однако Агата получила много полезных советов о том, как писать так, чтобы читатели могли тебя понять и не скучали.

Затем, пару лет спустя, Агата и Мэдж с огромным удовольствием прочитали приключенческий и детективный роман Гастона Леру «Тайна желтой комнаты». Обсуждая его, Агата заметила, что написать детективный роман, должно быть, совсем нетрудно. Мэдж, также написавшая и опубликовавшая несколько рассказов, заявила, что, может, и не трудно, но Агате с этим нипочем не справиться. Агата тут же предложила пари.

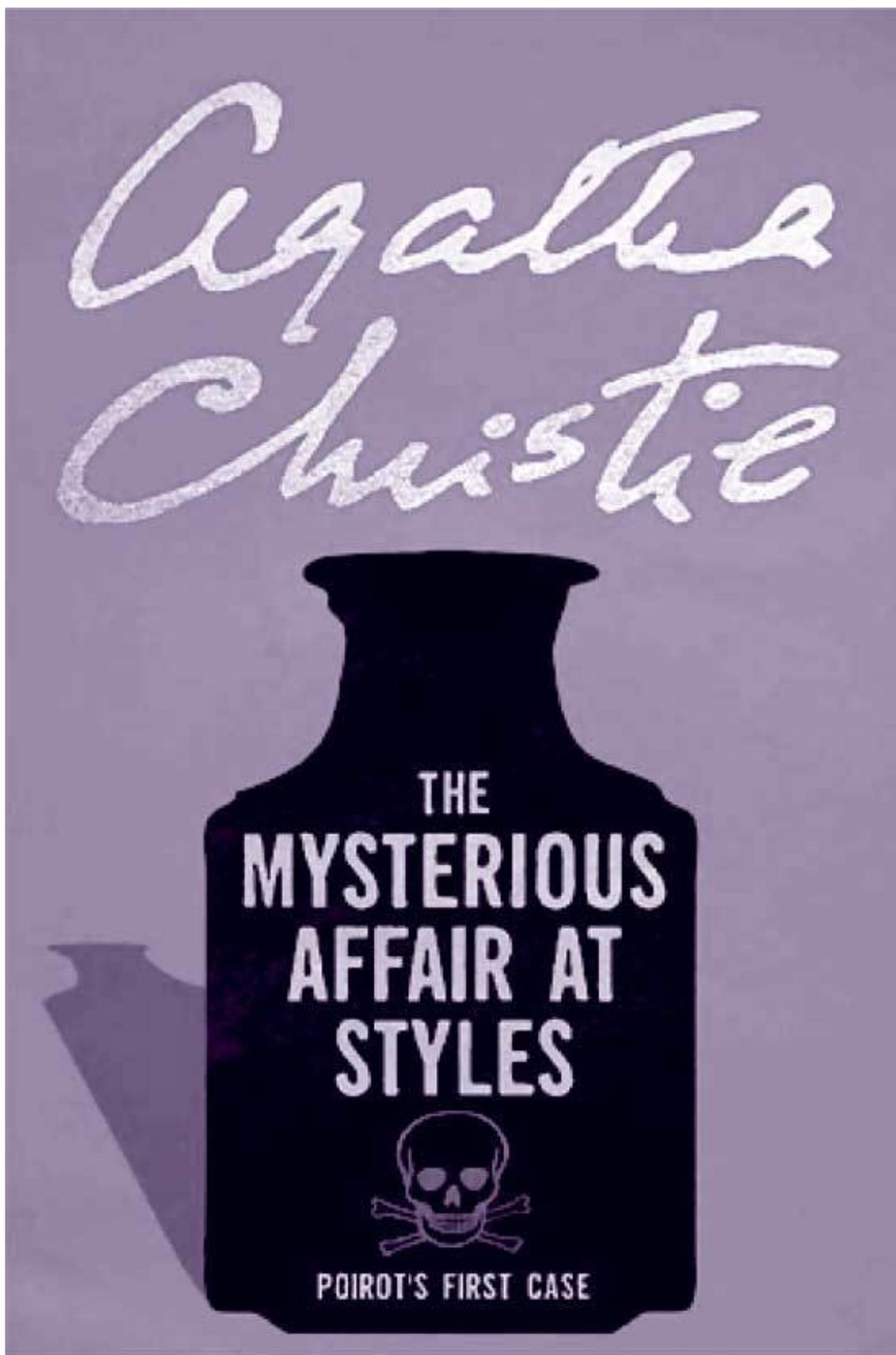

Мне всегда было непонятно, почему худшие из мужчин вызывают интерес у лучших женщин

И вот теперь, когда работа в аптеке оставляла ей достаточно времени для праздных размышлений, Агата поняла, что перед ней великолепный материал для романа. Больше всего на свете она и другие фармацевты-практиканты боялись перепутать дозы и приготовить вместо лекарства яд. Но что, если кто-то решит сделать это нарочно? Отравить другого человека для того, чтобы добиться своих целей?

Далеко от Торки, в Лондоне снова рвутся бомбы. Английские истребители научились поджигать «цепеллины», теперь лишь одно или два массивных чудовища из всей эскадрильи добираются до цели. Но теперь на смену им пришли ночные бомбардировщики «готы». Лондонцы выставляют на юге города заградительные сети, которые удерживают на высоте 3000 метров азростаты. Но «высотный потолок» «готов» выше и они легко преодолевают заграждения. Агата волнуется за Арчи. Правда, его признали негодным к полетам из-за заболевания пазух носа, но кто защитит его от бомбы? И она начинает писать роман, где смерть – не бомба, летящая с неба и не разбирающая, на кого упасть, а результат целой цепочки событий, которую можно вытащить из прошлого звено за звеном. Смерть тихая, не нарушающая приличий, но хранящая некую тайну.

Так родился роман «Таинственное происшествие в Стайлс», где богатую и пожилую даму-благотворительницу убивают из-за наследства. Но кто же восстановит справедливость? Действие романа происходило в том же году, когда он был написан – в 1917-м. В то время в Британию, а конкретно – в Торки прибывало много бельгийцев-эмигрантов, которые нуждались в помощи для того, чтобы устроиться в новой стране. Бельгия была оккупирована Германией в 1914 году, и немецкие войска совершили ряд военных преступлений против мирного населения. Около 1 500 000 бельгийцев (почти 20 % населения страны) покинули страну и стали беженцами.

Работая в аптеке, Агата поняла, что перед ней великолепный материал для творчества. Так родился роман «Таинственное происшествие в Стайлс»

Что, если дама будет помогать бельгийцам, а один из них, бывший офицер полиции, поможет ей? Благодаря своему иноземному происхождению он будет непредрвзято смотреть на англичан, на их обычаи, привычки, манеры. А еще его все будут принимать за француза, и его это будет злить. Он будет маленького роста, немолодой, очень умный, но с множеством смешных привычек и предрассудков, чтобы читатель не чувствовал себя окончательно подавленным его интеллектом. Его будут звать Геркулесом, на французский манер Эркюлем – для смеха. У него будет свой «доктор Ватсон» – капитан Артур Гастингс, и свой «инспектор Лейстред» – старший инспектор Скотланд-Ярда Джепп. Среди действующих лиц были и девушка, работавшая в госпитале, и помощник аптекаря.

Роман вдоволь покочевал по издательствам и спустя три года после переработки был опубликован в издательстве «Бодли Хед». Публикации способствовало удивительное стечение обстоятельств (назвать его счастливым язык не поворачивается). 17 июня 1919 года в Уэллсе скончалась некая Марбель Гринвуд, жена солиситора Гарольда Гринвуда (в английской системе правосудия солиситор – адвокат, ведущий дела в судах графств и подготавливающий материалы для барристеров, выступающих в высших судах). Спустя несколько месяцев, когда Гарольд уже был женат на юной Глэдис Джонс, в связи со слухами, ходившими в городке по поводу смерти Марбель, была произведена эксгумация (на которую Гарольд охотно дал согласие), и исследование установило, что женщина была отравлена мышьяком. Подозрения пали на мужа – в этот день он сам наливал жене бренди, после того, как она пожаловалась на несварение желудка, которым страдала уже давно. Суд над Гринвудом должен был начаться в ноябре 1920 года, и Агата не без оснований считала этот момент удачным для публикации своего романа, где речь также шла об отравлении мужем пожилой жены (правда, в романе убийца воспользовался стрихнином).

Исход дела оказался счастливым для обоих: и для Гарольда, и для Агаты. Гарольд был оправдан (его 22-летняя дочь Ирен вспомнила, что тоже пила в тот вечер бренди из той же бутылки без всяких последствий для здоровья). А роман вышел в Америке в 1920 году, и в следующем году – в Англии.

Странная всё-таки вещь ~ интуиция, и отмахнуться от неё нельзя, и объяснить невозможно

Отзыв книжного обозрения газеты «Таймс» был вполне благожелательным: «Единственным недостатком романа можно назвать то, что он несколько чересчур замысловатый... Говорят, что это первый роман автора, написанный ею на спор, что она сможет придумать детективную историю, в которой читатель до конца не сможет угадать преступника. Каждый читатель должен признать, что пари выиграно».

Немало радости доставила Агате рецензия в «Фармацевтическом журнале», где автор хвалил ее за то, что в романе «правильно описывается действие ядов, а не придумываются некие несуществующие в природе вещества, которые часто появляются на страницах других книг». Завершалась рецензия безоговорочной похвалой: «Мисс Агата Кристи свое дело знает».

Но денег роман почти не принес. Согласно подписанному ею договору, Агата должна была получить гонорар только после того, как будет продано 2000 экземпляров. А первое издание «Таинственного происшествия» не дотянуло до этой отметки (правда, почти дотянуло). Все, что получила Агата, – это двадцать пять фунтов за право печатать роман по главам еженедельно в «Уикли таймс». Неплохо, но явно недостаточно².

² 16 сентября 1990 года в эфир вышла серия британского телесериала «Пуаро Агаты Кристи», снятая телекомпанией ITV по мотивам романа. В роли Эркюля Пуаро – Дэвид Суше.

Дэвид Суше в роли Эркюля Пуаро в знаменитом сериале по романам Агаты Кристи

Глава 11. Семейная жизнь

Впрочем, отныне ей не придется зарабатывать деньги своим трудом. Арчи вернулся, и Агата наконец-то могла начать ту жизнь, о которой всегда мечтала: безмятежное существование жены и матери. Они снимают дешевую квартирку в Лондоне. Арчи находит работу в Сити – финансовом центре Лондона, и становится одним из 364 000 клерков, которые, по словам Питера Акройда, автора книги «Лондон, биография города», «жили словно бы в глубине морской: люди приходили на работу темным зимним утром и уходили вечером, ни разу за день не увидев солнца». Агата учится готовить (особенно ей удаются сырные суфле) и идет на курсы стенографии и бухгалтерии – так, на всякий случай. Она уже понимает, что жалования Арчи и ее скромной ренты (около 100 фунтов в год) может оказаться недостаточно для лондонской жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.